

17 сентября 1944 года

Сегодня я должен сидеть с девочкой Грейнджер на матче по квиддичу. Малфой потребовал этого - обычно это привело бы меня в ярость, но я уловил взволнованное, расстроенное выражение ее лица, когда он упомянул об этом, и мне стало любопытно узнать, что именно в моем присутствии заставляет ее так нервничать. Как будто она знает...

Нет.

Она ничего не знает. Это было бы невозможно. Свидетелей не было. Я позаботился об этом. Если бы она каким-то образом узнала... нет. Потому что, хотя я часто задавался вопросом, как много ее глупый, непутевый дядя знает о моей внеклассной деятельности, я сомневаюсь, что он поделится своими подозрениями со своей невинной слизеринской племянницей. Если только он не подбросил ее сюда. Но зачем ему это делать? Она была бы ужасным шпионом - она до смешного прозрачна, когда дело касается ее эмоций.

Нет. Она не знает.

Однако...

Если бы Малфой упомянул о чем-то, хотя бы вскользь...

Конечно, он бы не стал.

Он, конечно, единственный из моих рыцарей, кто, кажется, совершенно равнодушен к маниакальному идиотизму чистокровных, которым так увлечены остальные. И, учитывая это, у него нет никаких реальных причин хранить мне верность. Его мало волнует власть и еще меньше - мои предложения обучить его Темной магии. На самом деле его не интересует ничего, что нельзя сделать на метле. Единственные вещи, которые вызывают у него восторг, - это квиддич и девушка Грейнджер, и, несмотря на довольно очевидные политические пристрастия его семьи, его начинает подташнивать, когда Лестрейндж заводит речь о выпускном. Честно говоря, я не думаю, что у него хватит духу на все мои планы. Но что с ним делать? Он богат и хорошо связан, но это почти все, что он может предложить. И чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь, что он никогда не разгласит истинную природу нашей дружбы девушке - он знает, на что я способен. Он знает, что с ним случится, если он это сделает. Может, он и неуклюжий болван, но он же Малфой - генетически предрасположен к сильному чувству самосохранения. Он бы никогда ничего не сказал.

Нет. Она не знает.

Что делает ее очевидную неприязнь ко мне еще более странной. Не говоря уже о том, что она боялась меня с самого начала. Я до сих пор помню выражение ее лица, когда нас познакомили:

паника и страх, хотя она изо всех сил старалась это скрыть. Что могло побудить ее к этому? Я осторожен - чрезвычайно осторожен - в своем поведении. Мне доверяют. Меня уважают. После нашего выпуска у меня будет больше предложений о работе в Министерстве, чем у кого-либо другого здесь, но я не собираюсь соглашаться на них. Если бы она что-то слышала обо мне до приезда в Хогвартс, ничего из этого не было бы инкриминирующим - так что же такого было в моем имени, что заставило ее затаить дыхание и выглядеть так, будто она увидела привидение? Я бы нашел это забавным, если бы не был так... обескуражен.

Да. Смущен.

Хотя она врет, что ходила в школу. Я думал, она упадет в обморок, когда я обвинил ее в этом вчера вечером. Но зачем врать? Чем она могла заниматься последние шесть лет, что требует такой секретности? И я не сомневаюсь, что секрет есть - ее отчаяние патетически ощутимо всякий раз, когда я пытаюсь направить разговор в сторону ее прошлого. Она отмахивается, игнорирует и пытается сменить тему.

Она сводит с ума.

И не особенно красива. Хотя черты ее лица отличаются приятной симметрией, рот у нее слишком широкий, а подбородок - слишком круглый. У нее каштановые волосы. Однако ее кожа необычайно красива - теплая и кремовая, а сама она маленькая и хрупкая, что вызывает желание сразить дракона и вытащить пресловутый меч из камня. Полагаю, нетрудно понять, почему Малфой так очарован.

Нет, совсем нетрудно.

Однако мне интересно, отвечает ли она на его чувства? Она ведет себя так, будто любит, но в ней есть какая-то пустота, которая говорит об обратном.

Она глубоко раздражает.

Да. Раздражает.

Ее глаза напоминают мне карамель.

Это было утро матча по квиддичу между Слизерином и Рейвенкло, и в Большом зале

чувствовалось предвкушение. Младшие ученики кипели от лихорадочного возбуждения, их смех был громким и подавляющим, а старшие мальчики делали ставки и выкрикивали свои прогнозы на исход игры. Большая часть школы была одета в голубое - видимо, даже в 1944 году Слизеринцы все еще оставались единственными людьми, которым не мешало любить других Слизеринцев.

"Пойдем со мной на поле, милая?"

Я подпрыгнула от неожиданности и повернулась к Абраксасу. Я заставила себя улыбнуться. "Конечно, - согласилась я, взяв его протянутую руку и снова заметив, что она намного больше моей собственной. Конечно, это было ненормально?

"Том, мы уже уходим, - сказал он через плечо, переплетая наши пальцы. Его кожа была неприятно влажной. Я боролся с желанием отстраниться. "Вы с Лестрейнджем можете забрать ее из раздевалки, когда закончите?"

Риддл поднял взгляд от своего кофе. Его глаза на мгновение вспыхнули, когда он изучал нас. "Мы будем там", - коротко ответил он, подталкивая Лестрейнджа.

"Да, да", - добавил Лестрейндж, зачерпывая ложкой овсянку. "Просто дай нам несколько минут, Малфой. Я даже не думаю, что Нотт еще не проснулась. Мы не сможем защитить ее от него, если его не будет рядом, верно?"

Абраксас поджал губы. "Если он умный, он, блядь, будет спать", - прорычал он.

Я закатила глаза. "Не будь таким ворчливым", - посоветовала я, дергая его за рукав. "И нам пора идти. Ты опоздаешь на разминку".

Он улыбнулся мне, и выражение его лица смягчилось. "Точно. Да. Пойдем."

Он повел меня в вестибюль, запрятав метлу под другую руку, и вышел через огромные двойные двери. Было прекрасное утро, чистое небо и солнце, идеальное для квиддича, и я краем глаза наблюдал, как Абраксас осматривает площадку с довольным выражением на лице.

"Фантастическая видимость", - радостно заметил он. "Чертовы Рейвенкло не поймут, что их поразило".

"Уверен", - язвительно сказал я, усмехаясь. "Если не считать того очевидного факта, что в руках у тебя будет бита для битья, когда они попадут под удар".

Он усмехнулся, но сразу не ответил. Вместо этого он пнул траву. "У меня есть кое-что для тебя", - сказал он, неуклюже меняя тему. Его хватка на моей руке усилилась.

"Что это?" спросила я, с замиранием сердца.

Он порылся в карманах и достал маленькую черную коробочку. Шкатулка для драгоценностей. Я уставилась на него.

"Это не то, что ты думаешь", - быстро сказал он, теребя край своей майки. "Это просто кое-что, что я подумал, что ты могла бы носить. Если захочешь. Тебе не обязательно. Просто, учитывая игру и все остальное, это будет много значить для меня. Я не знаю. Ты можешь отказаться. Правда. Я бы не стал... ну, я бы стал, но... просто открой его? Да?"

Я взяла коробку. Моя рука дрожала. Я не открывал ее. "Абраксас, - начал я медленно говорить, качая головой. "Я правда не..."

"Пожалуйста, Гермiona?"

Я вздохнула, и ужасная уверенность в том, что все это плохо кончится, нависла надо мной, как темная грозовая туча. Почему я позволила ему думать, что он не больше, чем друг? Что за человек я была, что так отчаянно нуждалась в общении, что вела его за собой, позволяла ему ходить за мной по пятам, зная при этом, что он хочет гораздо больше, чем я способна дать? Гораздо больше, чем я хотела дать - потому что он был замечательным, правда, но он не подходил. Он не был предназначен для меня. Я знала это. Но если бы я сказала ему об этом, особенно сейчас, он бы ушел. Он оставит меня одну, а я не могла быть одна, совершенно не могла, не здесь, не сейчас, не тогда, когда больше никого и ничего нет, когда все так шатко, так неправильно, так близко к тому, чтобы полностью развалиться. Он был мне нужен. Я не могла быть одна.

Я вздрогнула.

Я открыла коробку.

И тут же задохнулась.

Внутри лежало небольшое серебряное кольцо на бархате кремового цвета. В центре кольца красовался изумруд круглой огранки, весело подмигивающий мне в лучах солнечного света. На внешней стороне кольца была вырезана тщательно проработанная змея, ее чешуя была настолько тонко выточена, что казалась многомерной. Это было красиво. Женственно. Это было обещание. И слишком много.

"Абраксас..." Я нервно отмахнулась.

Его щеки были пунцовыми. "Это всего лишь кольцо, Гермiona".

"Ну, да, но..."

"Просто надеть его? Пожалуйста? Мне было бы приятно, если бы ты это сделала, особенно пока я играю", - искренне ответил он.

"Почему?"

Я не должна была спрашивать. Не стоило. Я знала это. Я должна была просто надеть кольцо на свой гребаный палец, не задавать вопросов и притвориться, что ничего необычного не произошло, когда он проводил меня в мою комнату позже тем вечером. Я не должна была спрашивать. Но...

Он повернулся ко мне, нахмутив брови. "Почему?"

"Почему ты хочешь, чтобы я надела это?"

Он заколебался. "Ну, потому что... ты моя, не так ли? Я хочу, чтобы все знали. Я выгравировал герб Малфоев на внутренней стороне, если хочешь взглянуть. И еще... Гермиона, я бы хотел, чтобы мой отец поговорил с твоим дядей о том, как все это правильно оформить в течение следующих нескольких месяцев. Я... ты очень много значишь для меня, и я знаю, что прошло не так много времени, но я никогда не чувствовала себя так, как сейчас, и я бы очень... не знаю. Сейчас это неважно. Но... ты наденешь его? Пожалуйста?"

Блин, блядь. "О, Абраксас", - прошептала я, запинаясь. Как я могла так поступить с ним? Он выглядел таким обнадеженным. Таким доверчивым. Таким ожидающим. Я сглотнула. "Конечно, я надену его".

Как только слова покинули мой рот - нерешительные, неуверенные и отстраненные, - я поняла, что совершила ошибку. Это подтвердилось довольно болезненно, когда он сделал два шага вперед, схватил меня за плечи и поцеловал.

Крепко.

Я замерла, на мгновение отвлекшись на ощущение грубой, теплой кожи, прижавшейся ко мне. Его язык высунулся, скользкий, толстый и плоский, и ткнулся в мои плотно сомкнутые губы. Это было отвратительно. Отвратительно. Это было слизко. И я отпрянула назад, оттолкнув от себя его широкую, покрытую мускулами грудь.

<http://erolate.com/book/4143/120686>